

ИЗ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ В РАБОТАХ УОЛТЕРА МОЙЛА (1672–1721)

Н.А. Яснитский

Кафедра новой, новейшей истории и методологии
Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10а, Москва, Россия, 105005

В статье рассматриваются причины обращения к античной тематике, политические и идейно-теоретические основы трактовок античной истории в конце XVII – начале XVIII в., на основе анализа работ английского историка Уолтера Мойла.

Ключевые слова: Англия, историография, античность, просвещение, Уолтер Мойл.

В начале XVIII в. внимание в политических памфлетах, в публицистических и исторических произведениях переносится все больше на состояние общества и все меньше концентрируется на действиях «тиранов» или совести правителей. Проблема коррупции постепенно из проблемы философской и моральной в условиях политической борьбы тори и вигов неизбежно принимала политическую окраску. В этих условиях интерес к античной истории приобрел не только назидательно-моральное, но и политическое значение.

Представление о причинах обращения к античной тематике, о политической и идейно-теоретической основе трактовок античной истории в конце XVII – начале XVIII в. может дать анализ работ Уолтера Мойла (1672–1721). Этот выбор обусловлен не только тематикой его трудов (*En Essay on the Lacedaemonian Government*, 1689, 1697; *Xenophon's discourse upon improving the Revenue of the state of Athens* 1698, посмертной публикацией *Essay upon the Government of Rome* 1726), но и наличием некоторых теоретических обобщений, сделанных им в переписке с политическими деятелями и историками этого периода (1).

Уолтер Мойл родился в Корнуолле в 1672 г., получил хорошее классическое образование: закончил Оксфордский университет. У. Мойл, как и его отец, благодаря образованности и свободным суждениям, был избран в парламент. Мойл заседал в парламенте от местечка Солтэш с 1695–1698 гг., при этом он был ревностным вигом, голосовал за меры, поощрявшие английскую торговлю, и высказывал недоверие к церковным учреждениям. В 1697 г., по настоянию доктора Ч. Давенанта, он перевел трактат Ксенофонта «О доходах Афин». Этот перевод был соединен с трактатами «Об общественных доходах» и о «Торговле в Англии». Мойл умер в Корнуолле 10 июня 1721 г.

О главной причине, побудившей его обратиться к античной истории, У. Мойл пишет достаточно определенно. «История, которую я рассматривал с большим вниманием, стала для меня настоящим увлечением и сильно затронула меня; в ней описывались свободные государства Греции, Карфагена и Рима. Я с удовольствием прослеживал их постепенное продвижение к той высшей власти, которую они достигли с течением времени; но я также отметил те пути, по которым они вновь пришли в упадок, и, в конце концов, постепенно потонули в своем конечном разложении, не без сожаления и негодования... Но указать и выставить основные причины, которые способствовали постепенному ослаблению и, наконец, уничтожению и сравнению с лицом земли; те красивые сооружения, ставшие общественным достоянием и скрепленные кровью многих прославленных патриотов, по моему мнению, будут более интересны и более поучительны» (2).

И чтобы уж совсем не оставалось сомнений в необходимости сопоставления современности с опытом истории, Мойл подчеркивает: «есть причина для страха, поскольку то, что произошло с теми свободными государствами, может в дальнейшем постичь и нашу страну. Особенно когда мы размышляем, что те же самые причины, которые способствовали разрушению, функционируют в то же время и среди нас, причем довольно сильно. Так как я считаю, что это может оказаться полезным для моей страны во время кризиса, я отобрал интересные примеры тех когда-то свободных и сильных народов, которые, отклонившись от своих первоначальных принципов, потеряли сначала свою свободу, а затем и само свое существование» (3).

В своем Очерке о Лакедемонской системе правления Уолтер Мойл подчеркивает, что именно исследование «о природе этой системы правления» является «предметом нашего размышления» и выдвигает несколько тезисов, которые затем рассматривает на примере спартанского устройства общества. Прежде всего, он считает, что поскольку сама система спартанского правления просуществовала достаточно долго и обеспечила спартанцам преобладание в Греции, то она является примером и образцом.

Необходимость в новом исследовании проблем античной истории состоит, по мнению Мойла, в том, что «сведения Геродота о лакедемонском правлении или Гражданском управлении, реформированном перед этим временем Ликургом, таковы, что они не дают ответа, ни на вопрос об итогах

системы правления, ни о том, были ли они плодом иностранных усилий, или их собственным и личным опытом, как не дают ответа и на ряд других вопросов» (4).

Особого внимания заслуживает сомнение Мойла в теоретических убеждениях, на основе которых создавались исторические труды в конце XVII в. Так, Мойл считает, что Лакедемонская «система появилась не благодаря Отцовской тирании, как любит утверждать Флетчер, не благодаря тому, что человеческая природа не устояла перед достоинствами и жестокостью Правителей...» (5). Судя по контексту, причина не кроется и в «человеческой природе».

О влиянии на общество и даже решающей роли политической системы на все процессы в обществе, как отмечает Мойл, говорят как современные ему политики, так и примеры истории. «От современных *Политиков* мы узнаем о *Балансе Власти*, но этому учит нас и *Античное Благоразумие*» (6).

Мойл согласен со значимостью роли именно политической системы на общество. «Мудрость законодателей создала такой Барьер для должностных лиц в правительстве, что в управлении они постоянно контролировали друг друга» (7). Такой контроль ветвей власти друг друга может возникнуть «при Конституционном правлении, которое формирует точное равновесие Собственности и Власти является основой свободы», а сама «Свобода является главным благом Гражданского общества, поскольку это то, что делает каждую вещь, которой мы владеем, нашей собственностью. Без этой Свободы вся собственность сосредотачивается у тех, кто правит, но не у тех, кем управляют» (8).

Однако необходимость в новом обращении к опыту античной истории связана и с определением причин гражданских распрей, которые были характерны для Англии его времени. По мнению Мойла, античная история свидетельствует, что причинами гражданских распрей не является тирания или личные качества правителей.

Обращаясь к спартанской системе правления, У. Мойл пытается рассмотреть все современные ему проблемы Англии: причины гражданских разногласий, причины появления и сущности устойчивой и долговечной системы правления. Основанием для такого сопоставления является, по его мнению, не просто сходство идей Дж. Гаррингтона в его Океании со спартанским устройством, а то, что именно «исходя из Лакедемонской системы правления, Гаррингтон и сформулировал свое определение, которое является основой его Океании. В государстве равенства, говорит этот замечательный автор, управление основано на равенстве *Аграрном*, переходящем в высшие структуры или три ветви власти. Сенат обсуждает и предлагает законы, народ решает, магистраты исполняют законы при условии равноправных выборов и посредством избирательного права через голосование народа» (9).

Более того, Мойл прямо отсылает читателей к античным авторам, говоря, «в какой степени это навеяно институтами Ликурга, вы можете прочесть

с удовольствием в его жизнеописании, написанном Плутархом; и этих Законов придерживалась Спарта почти семь столетий, и на всем протяжении этого громадного периода государство процветало во всех отношениях» (10).

Не довольствуясь ссылкой на авторитет Плутарха, Мойл уточняет, что в то время, когда Ликург стал создавать новую модель государства, «большая часть людей влачила жалкое существование, и была чрезвычайно бедна, и лишь некоторые были чрезмерно богаты, его внимание и проект был направлен на изгнание, с одной стороны, зависти, мошенничества и насилия; с другой стороны, на изгнание наглости и притеснений; и вместе с ними Богатства и Бедности, каждая из которых при чрезмерности опасны для спокойствия республики» (11).

Интересно, что с последствиями равного раздела земли Ликургом, и как следствием этого, возникновение равных условий для граждан, Мойл связывает и возможность для возникновения учета личных и общественных заслуг перед обществом, что в свою очередь приводит к преобладанию добродетели перед пороками в обществе (12). «Большинство людей стремились не к жадности, но желали равных налогов, было обуреваемо не честолюбием, но стремилось к спокойной жизни под справедливым и хорошо сбалансированным правлением. И это привело к тому, что их правление имело несколько ветвей, составлявших целое. Короли обладали исполнительной властью во время войны, суд был в руках магистратов, каждый раз избираемых, Сенат готовил законы, народ, обладающий правом голоса, избирал сенаторов и обладал властью смещать чиновников. Подданный имел справедливые основания полагать, что его польза состоит в послушании, поскольку он управляется законами...» (13).

Античная история, по мнению Мойла, дает возможность понять причины возникновения и причины изменений в системе правления: «я убежден, что они применимы не только к греческой истории, но к истории других частей мира» (14). «Древнее гражданское правление всех греков может быть рассмотрено, во-первых, с точки зрения его происхождения, а во-вторых, с точки зрения изменений, которые оно претерпевало» (15).

«Для ясности при обнаружении этих истоков в отношении Греции необходимо исследовать причины возникновения гражданской системы правления в связи с происхождением народов и их обычаев и образа жизни. Что касается первого, то мы обнаруживаем две противоположные оценки, некоторые, считают, что система управления досталась им от предков, которые пришли из Ионии, Дории и Эолии. Другие утверждают, что они были аборигенами или переселенцами с Востока, и всегда жили поблизости...» (16).

Крайне важным представляется, что вопрос о происхождении не вносит, по мнению Мойла, ясности в проблему возникновения систем правления и связан более с умозрительными и абстрактными представлениями, нежели с историческими: «Все эти утверждения мы можем почерпнуть у их (греческих. – *Н.Я.*) авторов. Последнее, однако, может являться ложным и предна-

значено для того, чтобы внушить нам, что Страна была уже населена в незапамятные времена. Что касается их желания считаться Аборигенами, то, я думаю, это следует относить к легкомысленным утверждениям их философов, чем к их историкам...» (17).

Собственная позиция У. Мойла в отношении возникновения системы правления основана на решающей роли местности и образа жизни. «Мы не можем соглашаться с их аргументами», пишет У. Мойл, поскольку «если перейти к обычаям и образу жизни в наиболее древние времена, перед тем как они соединились под соответствующим правлением, мы найдем их чрезвычайно дикими (варварскими) и переходящими с места на место в поисках пропитания. Те, кто населял пустынные территории, совершал частые вторжения на те, что были более плодородными, и некоторые уходили, уступая свои места для проживания другим, а затем все снова повторялось. Самые плодородные земли были ареной таких завоевательных набегов: эти изменения в составе населения были наиболее частыми в Пелопоннесе, нежели в Аттике, которая была более пустынна, что приводило к меньшим изменениям. Кроме этих взаимных нашествий они испытывали не меньшее опустошение своих берегов от вторжений пиратов, населявших острова и морское побережье азиатского континента, что заставляло их в эти ранние времена не жить около моря» (18).

«Таким образом, они были в состоянии постоянной войны, как дома, так и на границе: это очень напоминает описания наших первых открытий в Америке, и так это происходило в Греции, пока Минос, царь Крита (сейчас Кандия) со своим флотом не разгромил всех пиратов и образовал несколько государств для своих сыновей. Когда моря были очищены, они стали свободными для торговли, которая подтолкнула народы Греции к жизни на берегах и освоению искусства навигации. Запрещение Ликургом торговли, как ведущей к роскоши, было обратной стороной суровости образа жизни, и скупость жизни, которую он ввел, и то, что строгость обычаев не содействовало расширению их завоеваний, все это дало им возможность долго вести жизнь без собственных границ» (19).

У. Мойл убежден, что именно история должна предоставлять решающие аргументы для формирования общественно-политических теорий. «Спартанская система, – пишет Мойл, – долго еще будет опровергать Патриархальную теорию сэра Роберта Филмера. Такое использование Истории недоставало многим Авторам, которые описывали Политику» (20). Собственная позиция У. Мойла хорошо просматривается в его отношении к Гаррингтону и Сиднею: «Уважение к этой системе правления было одинаково присуще как Сиднею, так и Гаррингтону... Если вы взглянете на Сиднея, я советую вам прочесть первый ответ, что был дан Филмеру мистером Локком в его Очерке о возникновении, развитии и конце Гражданского правления, это остается примером зарождения представлений об этом предмете. Я знаю джентльменов, которые называют это азбукой Политики» (21).

Из контекста сопоставления Англии и Спарты прослеживается если не убеждение У. Мойла в уже свершившемся в современной ему Англии факте нарушения баланса властей, провозглашенного основным принципом Славной революции, то, по крайней мере, опасение этого. «Независимость и Свобода была дана каждой личности, и ни один не имел преимуществ перед другим. Их цари, из рода Геракла, не были обеспокоены ограничением их власти, и законодательная власть не преступала своих границ. Вы можете наблюдать в каждой системе правления, что когда исполнительная власть передается законодательной, там нет контроля, не может быть никакой преграды для нее. В таком случае народ не имеет возможности ничего исправить и должен терпеть, поскольку он угнетается своими собственными представителями» (22).

У. Мойл сосредотачивает свое внимание как на тех сходных обстоятельствах в истории Спарты и Англии, которые привели к долгому существованию той системы правления в Спарте, которую он называет «республикой», так и на обстоятельствах, послуживших причиной ее крушения. Разделение властей, пусть и мудрое и необходимое для устойчивости системы правления, само по себе не может предотвратить недовольство одной власти или партии господством другой. Хотя по реформе Ликурга законы готовил Сенат, они «должны были быть утверждены народом», чтобы стать законами. Однако народ «часто отказывался утвердить декреты Сената, правительство в таком случае оказывалось в трудном положении, поэтому, около ста тридцати лет после Ликурга, Феопомп и Полидор, являвшиеся королями в это время, передали издание Законов Сенату. Народ утешался тем, что это было по повелению Оракула, так и тем, что в качестве меры для предотвращения тирании было установление власти Эфоров, перед которыми были ответственны как короли, так и Сенат. И от установления этих высших магистратов, в течение четырехсот лет, по подсчетам Фукидида, существовала республика» (23).

«Я был бы рад, если бы мы могли сказать то же самое о нашей собственной системе правления в Англии, но границы и пределы Прерогатив и Свобод еще не установлены у нас так же хорошо» (24).

Говоря о причинах отсутствия в английской системе правления таких преград для тирании, У. Мойл связывает это с богословскими доктринами. «Говоря свободно и надеясь не нарушить авторитет и набожность организации, которое Вы представляете, Я должен совершенно определенно сказать, что духовенство бесконечно долго способствовало путанице в понятиях и сбивало с толку Разум народа в отношении английской Конституции» (25).

«Можно заметить, что аргументы, основанные на разуме и убедительные для мирян, не имеют веса для священников, они все еще возражают нам и возражают нам даже в случаях, которые мы используем как общие требования и неоспоримые права, принадлежащие всем, и неизменные для всех личностей, как и для всех прихожан» (26).

Собственная позиция выражена У. Мойлом достаточно определенно и основана более на философском, нежели богословских аргументах. «Исходя из интересов вечного Разума, очевидно, что Число, Вес и Мера также при-сущи обществу, как и миру Природы, и после того как все вещи были созданы, они управлялись Законами, исходящими из этого Разума и Необходимости (слова равноценные на языке ученых), что приводит к Истине в Политике, о которой говорил мне мистер Харли (граф Оксфорд)... Таким образом, правительство не может управлять долго, если больна система правления... Физиологи говорят, что сильная боль либо исцеляет, либо приводит к смерти. Так и устройство системы правления, оно либо возвращается к первоначальному состоянию от неправильного управления, или умирает, т.е. меняет свою форму и возобновляет свою существование в другой форме. Человеческое общество не может никогда прекратиться и разрушиться полностью. Даже во времена гражданской войны (огромный упрек и пятно для человеческого благоразумия или скорее человеческой природы) каждая сторона утверждает правление справедливое для себя, и которое для другой партии является чудовищным и варварским» (27).

Политические принципы, основанные на этом подходе, также выражены Мойлом предельно четко. «Мы расходимся в принципах, и поэтому не трудно понять, что чисто человеческие чувства не могут повлиять на суждения, да и совесть не позволит мне отказаться от них.

Мой принцип – Король есть король по основному праву земли, и по этому же закону самый тишайший подданный наслаждается свободой своей личности и собственности в своем положении и это касается любого человека – защищать их до последней степени, так же как и король в своих законных правах и прерогативах. Мой принцип состоит также и в том, что палата лордов и палата общин – являются существенной частью системы правления, и установлены законами, равной силы и крепости с теми, которые установили королевскую власть. В соответствии с этим принципом каждый честный человек должен стараться с равной заботой и мужеством сохранять структуру нашей системы правления во всех ее частях и ветвях и не давать, по совести, превосходство одной над другой» (28).

По мнению Мойла, другой подход к политической системе состоит в подчинении и палаты лордов и общин воле монарха, которая не может быть ничем ограничена; и многие «прекрасные и достойнейшие люди придерживались этого ошибочного мнения. Могла ли Лакедемонская система правления просуществовать столь долго, если бы партия, с такими взглядами преобладала среди них? Этот принцип – главная причина Гражданской войны у нас и содействовал расколу среди нас почти до края пропасти перед революцией; и если он распространится снова, это будет роковым для нас и приведет к беспорядку и смятению. Один вывод может быть сделан исходя из предмета этого отступления: Эфоры были стражами свободы в Спарте, как наш парламент у нас, и я вынужден отдать парламенту предпочтение как

представителю народа, как более лучшему защитнику народа против посягательств королевской власти, чем их эфоры или трибуны среди римлян» (29).

Таким образом, можно прийти к выводу, что после «Славной революции» 1688 г. общественное недовольство, ранее искавшее источник бед в абсолютистских действиях представителей династии Стюартов, стало все чаще обращать внимание на античную историю. Это обращение к античной тематике и сама идейно-теоретическая основа исследований по античной истории были продиктованы более всего политическими причинами. Главной из них было стремление отыскать аргументы в античной истории, оправдывающие ограничение королевской власти со стороны парламента. В парламенте видели некоторый аналог эфората, позволяющий избежать как тирании, внутренних междоусобиц, так и ослабления силы государства. Кроме того, У. Мойл, определяя причины, которые могли бы привести к гибели политической системы Англии, видит их в нарушении политического баланса. Однако в вопросе о возникновении системы управления и обстоятельствах, вызвавших необходимость реформ Ликурга, У. Мойл несомненно учитывает и материальный фактор.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) The Whole Works of Walter Moyle, esq; That were Published by Himself. To which is prefixed Some Account of his Life and Writings. – L., 1727; An Essay on the constitution and government of the Roman state; from the posthumous works of Walter Moyle; with a preface and notes, by Yohn Thelwall, Lecturer on Classical History. – Norwich: printer and sold by J. March, Cjckey-Lane; London, 1796.
- (2) Ibid. – P. 11–12.
- (3) Ibid. – P. 13–14.
- (4) An Essay on the Lacedemonian Government // The Whole Works of Walter Moyle, esq. 1727. – P. 49.
- (5) Ibid.
- (6) Ibid. – P. 51.
- (7) Ibid. – P. 50.
- (8) Ibid.
- (9) Ibid. – P. 55.
- (10) Ibid. – P. 56.
- (11) Ibid. – P. 51.
- (12) Ibid. – P. 51–52.
- (13) Ibid. – P. 54.
- (14) Ibid. – P. 70.
- (15) Ibid. – P. 69.
- (16) Ibid. – P. 70.
- (17) Ibid.
- (18) Ibid. – P. 71–72.
- (19) Ibid. – P. 72.
- (20) Ibid. – P. 57–58.

- (21) Ibid.
- (22) Ibid. – P. 56–57.
- (23) Ibid. 59.
- (24) Ibid. – P. 62.
- (25) Ibid.
- (26) Ibid. – P. 63.
- (27) Ibid. – P. 60–61.
- (28) Ibid. – P. 64–65.
- (29) Ibid. – P. 66.

THEORETICAL BASE TO ANTIQUE HISTORY IN WORK WALTER MOYLE (1672–1721)

N.A. Yasnitsky

New, the most latest history and methodologies Chair
Moscow State Regional University
Radio Str., 10-a, Moscow, Russia, 105005

Reasons of the address are considered at article to antique themes, political and theoretical bases of the interpretations to antique history at the end XVII – begin XVIII age, on base of the analysis of the works English historian Walter Moyle. At the beginning initially XVIII attention in political pamphlet and history is carried all more on condition society and all concentrate on action «tyrant» or shame rulers less. The Problem to corruptions, from problem philosophical gradually and moral, to condition of the political struggle received the political colouration. In these condition, the interest to antique history has gained not only edifying-moral, but also political meaning.

Key words: English, historiography, antiquity, enlightenment, Walter Moyle.